

**АДАПТАЦИЯ КИТАЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОЛЕКТЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.**

В статье рассматривается процесс адаптации китайской лексики, закрепившейся в дальневосточном региолекте русского языка конца XIX – начала XX вв. и представленной в публицистических и художественных произведениях региональных авторов.

Ключевые слова: русский язык, региональный вариант русского языка, адаптация заимствованных слов, этапы адаптации, продуктивные словообразовательные модели.

**ADAPTATION OF CHINESE LOANS IN THE FAR EASTERN REGIOLECT OF RUSSIAN
LANGUAGE ON OF THE END OF THE XIX-THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES**

The article considers the process of adaptation of Chinese vocabulary, come and have a foothold in the far Eastern regiolect the Russian language of the late 19th-early 20th centuries, presented in journalistic and artistic works of regional artists.

Key words: Russian language, regional variant of the Russian language, adaptation of foreign words, stages of adaptation, productive word-formation models.

Русский язык, как и все другие языки мира, постоянно пополняется новыми словами. Происходит это и за счет внутренних ресурсов (процесс словообразования, переосмысление и др.), и за счет лексического богатства иных культур, другими словами, процесса заимствования.

Иноязычное слово, попадая в систему национального языка, проходит процесс адаптации в новой языковой системе, и в зависимости от того, как сложится судьба понятия или явления, которое новое слово называет, складывается и жизнь заимствованной лексемы.

Как правило, процесс адаптации иноязычного слова предполагает освоение его формальной (звуковой, акцентологической, грамматической, орфографической) стороны, а также его семантики.

Исследователи выделяют разное количество этапов, которые проходит заимствованное слово, превращаясь из экзотизма в слово, не идентифицируемое большинством носителей русского языка как иностранное. Подробнее остановимся на схеме, предложенной Л.П. Крысиным. Он выделяет в процесс адаптации иноязычной лексемы пять этапов: первый – «начальный этап – это употребление иноязычного слова в тексте в его исконной орфографической (а в устной речи – фонетической) и грамматической форме» [1, с. 74]; второй этап – приспособление слова к системе заимствующего языка; третий этап – утрата сопроводительных комментариев, «носители языка перестают ощущать непривычность иноязычного слова» [1, с. 75]; четвертый этап – утрата жанрово-стилистических, ситуативных и социальных особенностей; завершающий этап – регистрация иноязычного слова в толковом словаре.

Таким образом, фиксация заимствованного слова в толковом словаре русского языка «...указывает на то, что слово признается принадлежащим лексико-семантической системе данного языка» [1, с. 78], т.е. происходит полное его освоение.

Мы рассматривали процесс адаптации китайской лексики, закрепившейся в русском языке жителей Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв.

Что касается общего словарного запаса национального русского языка, то, как отмечают некоторые исследователи, небольшое количество китайских лексем уже вошло в его состав, некоторые из них можно было найти в словарях [4; 5]. Например, в словаре Фасмера, комментируют лингвисты, дается толкование восьми слов китайского происхождения. Однако, суммируя данные всех словарей, О.Н.Сычева приводит уже более 20 китайских слов [4].

Опираясь на классификацию Л.П. Крысина, можно сделать вывод, что эти китайские слова уже прошли полное освоение русским языком. Однако если в отношении слов «чай», «книга» или «байховый» сомнений нет, то слова «лаовой» (иностранец), «хутун» (старая, небольшая улочка), «дацзыбай» (рукописная газета, написанная крупными иероглифами) и др. вызывают сомнение в их общеизвестности, а приведенная уссурийской исследовательницей О.Н. Сычевой лексема «Ябалу» (знаменитый рынок для российских челноков в Пекине) и вовсе, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в свой список китайских слов, закрепившихся в русском языке, она внесла также и слова, имеющие свободное хождение в родном ей Дальневосточном регионе. Первоначально, как отмечает сама О.Н. Сычева, то или иное китайское слово употребляется на определенной, как правило, приграничной территории, а затем распространяется на другие территории [4]. Другими словами, сначала китайская лексика становится частью региолекта, в нашем случае дальневосточного, после чего может пополнить и словарный запас всего русского языка. Однако анализ словарных статей к китайским заимствованиям, зафиксированным в толковых словарях разных лет, показывает, что с течением совсем небольшого количества лет эти слова устаревают, оставаясь в пассиве национального языка в статусе экзотизмов. Например, такова судьба слов «хунхуз», «хунвэйбин», «гаолян». Несколько другая судьба у китайских слов в региолекте.

Рассмотрим, как происходил процесс адаптации заимствованных из китайского языка слов в дальневосточном региолекте русского языка рубежа XIX-XX вв.

Основным источником регионального материала послужили газеты, выпускаемые в указанный период в Благовещенске Амурской области, а также ряд художественных произведений дальневосточных авторов. Наибольшее количество регионально окрашенных лексем дали нам номера «Амурской газеты» (АГ), общественно-политического печатного органа, выходившего в Благовещенске с 1895 по 1906 гг. В качестве источников использованы также роман «Амурские волки» (Благовещенск, 1912) и журнал «Рубеж» (Владивосток, 2003, №44(66) – А. Несмелов «Наш тигр»).

Всего в текстах «Амурской газеты», а также некоторых других источников, в частности, художественных произведениях, нами было выявлено и описано 46 лексем, имеющих отношение к китайскому языку. Из них 31 лексема (только существительные) – непосредственные китайские заимствования, 14 лексем – уже собственно русские единицы, образованные по модели русского словообразования с использованием китайских элементов, и одна лексема представляет собой заимствование из русско-китайского пиджина («редиза»).

Все заимствованные и образованные с использованием китайских элементов слова можно разделить на две большие группы, в целом обладающие одинаковым набором свойств. Так, к первой группе мы отнесли общественно-политическую лексику, названия единиц измерения и некоторых реалий из жизни китайцев на своей родине – в Китае. Например:

даотай, фудутун, чжаодажень, тифан-гуан и др. – наименования китайских чиновников, начальников;

цзун-ли-ямынь, ямынь – наименования китайских государственных учреждений;

чох, му, таэль – названия единиц измерения (денежные знаки, мера площади);

рикша, джонка, шампунька – наименования китайских реалий жизни. Все они называют явления, характерные именно для Китая и его населения. Употребляемые в текстах «Амурской газеты» без каких-либо комментариев или толкований, они все же остаются экзотизмами в русском языке дальневосточников и встречаются в основном в официальных текстах: в телеграммах, сообщениях из-за границы и т.п. Все слова этой группы подвергаются грамматической адаптации в системе русского языка, приобретая его

грамматические категории способность к словоизменению. Все они, за исключением слова «му» (единица измерения площади), склоняются, изменяются по числам, относятся к одному из родов. Например:

БОГДЫХА'Н, -а, м. Титул китайского императора

«... окончательное свержение с трона настоящего, уже и без того устраненного от дел, *богдыхана* Кван-Си неминуемо повлечет вмешательство во внутренние дела Китая иностранных государств» (АГ № 51, 20.12.1898).

Слово «*богдыхан*» употреблено как существительное ед.ч., м.р., род.п.

ЧОХ, -а, м. медная китайская монета

«На одно му земли предполагается наложить 200 *чохов*... Из них ни одного *чоха* не пойдет на уплату по долговым обязательствам» (АГ № 72, 27.06.1904).

Слово «*чох*» употребляется в первом случае как существительное в форме мн.ч., вин.п., во втором случае – в форме ед.ч., м.р., в.п.

Существительные этой группы не имеют русских производных, что свидетельствует об их слабой словообразовательной адаптации. Исключение составляет только слово «шампунька», от которого образовано производное «шампунщик» по модели «лодка – лодочник», «шлюпка – шлюпочник» и т. п. со словообразовательным значением «человек, осуществляющий управление транспортным средством».

Некоторые слова рассматриваемой группы (*цзун-ли-ямынь*, *тифан-гуан*) имеют дефисное написание, вероятно, отражая стремление авторов передать оригинальное китайское произношение.

Гораздо интереснее с точки зрения грамматической адаптации слова второй группы, которые служат для именования предметов и явлений быта китайцев, в основном, проживающих на территории России. Сюда же относятся и те слова, которыми русские называли китайцев, живущих и ведущих хозяйство рядом с ними. Эта группа гораздо более многочисленная, и включает, помимо непосредственно заимствованных, и слова, образованные от китайских заимствований по продуктивным русским словообразовательным моделям.

Лексемы эти присутствуют в таких газетных жанрах как местная хроника, фельетоны, путевые заметки, рекламные объявления. Частота их употребления выше, чем у слов первой группы. Авторы текстов – русские, которые описывают жизнь не только китайцев, но и своих соотечественников-дальневосточников, в своем повседневном обиходе активно использующие предметы, продукты и т.п., заимствованные у китайцев, а в речевом обиходе – их наименования. Например:

буда, *гаулян*, *майза*, *чумиза*, *ярь-буда* – злаковые растения, мука из них;

сули, *хана*, *ханишина*, *ханишин*, *харбинка* – алкогольные напитки, водка;

даба, *канфа*, *фанза*, *фай*, *чечуча* – сорта китайских тканей;

курма, *улы* – предметы одежды, обуви;

манза, *манзешка*, *мазница*, *ходя*, *хунхуз* – наименования китайцев и др.

По сути, эти слова – экзотизмы, но вот явления, которые они называют, стали обыденными. Однако авторы неизменно помнят, что по происхождению они китайские и нередко подчеркивают это соответствующим уточняющим эпитетом (*китайский*). Например:

«Тот, кто не был в Маньчжурии, конечно, не знает, что такое *китайский гаулян*...» (АГ № 29, 12.03.1904);

«Цены на товары первой необходимости в Хабаровске существуют несколько выше благовещенских. Так, например: ...*мука-майза (китайская)* стоит 1 руб. 60 коп. пуд» (АГ № 67, 16.06.1904);

в магазине Юн-Хо-Зан получен вновь большой выбор разнообразных товаров: *китайские* и японские *шёлковые материи: фай, креп, фуляр, канфа, гарнитур, фанза, чечуча*» (АГ № 25, 23.06.1896);

«Я русский человек и если ты, сукин сын, *китайская мазница*, будешь приставать к нам – я тебе всю косу повыдергаю» (АГ № 11, 14.03.1899).

Китайские заимствования второй группы также претерпевают грамматическую адаптацию: изменяются по падежам, родам и числам (кроме неизменяемых «ходя» и «сули»). Например:

МА'НЗА, -ы. Китаец.

«Однажды ехавший по границе отряд казаков встретился с одиноким *манзой*, повидимому, рабочим, перешедшим нашу границу... но вдруг неожиданно *манза* заговорил на чистом русском языке» (АГ № 11, 14.03.1899).

В первом случае слово «*манза*» употреблено как существительное ед. ч., твор.п.; во втором – в ед.ч., им.п.

ФА'НЗА, -ы, ж. Китайский дом.

«Залп сделан хунхузами из *фанзы*» (АГ № 26,03.03.1902);

«Волей-неволей нам пришлось сделать большой крюк, чтобы попасть на китайскую деревню Будунду... Начиная от крайних *фанз*, у ворот почти каждого двора красовались многозначительные вывески..., написанные не только по-китайски, но и по-русски «Кабак» (АГ № 28, 13.07.1897).

В первом случае слово «*фанза*» употреблено как существительное ед. ч., ж.р., род.п., во втором контексте – во мн.ч., род.п.

ХУНХУ'ЗЫ, -ов. Китайские разбойники.

«Заимка называлась капитанской – до Деда ею владел какой-то отставной капитан, убитый, как говорят, *хунхузами*» (Наш тигр, 672).

Здесь лексема «*хунхузы*» используется во мн.ч., тв.п.

Примеры демонстрируют распределение заимствованных из китайского лексем по родовым классам русского языка, основанием для распределения выступает фонетический облик слова, а точнее, – его фонетическая концовка. Так, существительные, оканчивающиеся на согласный звук, приобретают мужской род, согласуются с прилагательными в форме мужского рода и склоняются по мужскому типу склонения: *ханченский тифан-гуан*, прибытие *китайского фудутуна*, *китайский гаулян*, участие в *цзун-ли-ямыне*. К мужскому роду отнесено и существительное «*манза*» (с одиноким *манзой*), вероятно, ввиду того, что это слово является общим наименованием лица по национальности безотносительно к его полу.

Существительные, оканчивающиеся на гласные -А (-Я), соответственно склоняются по женскому типу и согласуются с именами прилагательными женского рода. Например, возле *нашей шампуньки*, *две фанзы*, *чумиза крайне полезна*.

Во множественном числе существительные склоняются по общему типу.

Нами зафиксировано и неизменяемое заимствованное из китайского языка существительное, оканчивающееся на гласный звук: «сули». Еще одно заимствование, оканчивающееся на гласный (-У) – «му» – отнесено к среднему роду (*одно му*), о чем свидетельствует его контекстуальное употребление.

Как показывают тексты «Амурской газеты», новые слова от заимствованных китаизмов образуются по продуктивным словообразовательным моделям. В результате словообразования в русском языке появились слова различной частеречной принадлежности: имена существительные, имена прилагательные и наречия.

Основные способы образования новых слов – морфологические, а именно суффиксальный и приставочно-суффиксальный. Отмечены нами и лексем, образованные путем сложения русского и китайского по происхождению элементов. Как продуктивные, следует отметить следующие модели:

«основа сущ. + суф. -СК-» = прил. (*сунчанский, ханченский, хунхузские*);

«приставка ПРИ- + основа сущ. + суф.-СК-»=прил. (*присуйфунские*);

«приставка ПО- + основа прил. + суф. -И-» =нареч. (*по-манзовски*);

«основа сущ.+суф. -ОВ-»=прил. (*дабовый, фанзовые, гауляновы*);

«основа сущ.+ суф. -ЩИК-» = сущ. (*шампуньщик*);

сложение слов (*мука-майза, ярь-буда*) и др.

Одно из китайских заимствований дало достаточно разветвленное словообразовательное гнездо, где от корневого слова «манза» образовано как минимум пять производных: *мазница, манзешки, манзовский, по-манзовски, Манзовка* (наименование разъезда на железной дороге).

Грамматически адаптировались в системе русского языка и имена собственные. Так, топонимы в основном пишутся слитно, не разделяясь графически на слоги вслед за китайским произношением (города Бодунэ, Нингуту, Амехэ, Цицикар), приобретая тем самым типичный облик русского слова; некоторые из них начинают склоняться. Тенденцию к склонению проявляют прежде всего имена собственные, оканчивающиеся на согласный.

Антропонимы, представляющие собой китайские имена и фамилии, на рубеже XIX-XX вв. в амурской периодике могли передаваться как имеющие дефисное написание компонентов, так и со слитным написанием компонентов, во втором случае приближаясь к типичному облику русского антропонима. При этом обнаруживается закономерность: при строгом официальном именовании лица в основном применяется дефисное написание (*богдыхан Кван-Си, известный государственный деятель Ли-Хун-Чан, вице-король Юан-ши-кай*); в полуофициальном и неофициальном обращении или именовании китайские имена пишутся в основном слитно (*заведующий китайской телеграфной конторой Хейлампо, моя Хуланхэ, в китайском магазине Тэсэнгу*). Интересен факт, связанный с достаточно частым упоминанием на страницах «Амурской газеты» на всем протяжении ее существования одного известного в Благовещенске торговца, держателя лавки. Какой только товар ни предлагал благовещенцам лавочник: разнообразные ткани, предметы одежды, посуду, мебель, сувениры и многое другое – всё с Востока. В 1896 г. его имя представлено в газете как *Юн-Хо-Зан* – в дефисном написании. Начиная с 1902 г., в регулярно размещаемых рекламных объявлениях его имя уже пишется слитно: *Юнхозан*. Возможно, переход к слитному написанию имени собственного связан с постепенным стиранием границы между «своим» и «чужим»: китайцы, долго живущие рядом с русскими, уже не воспринимаются как чужаки, иностранцы, поэтому нет необходимости подчеркивать их инородное происхождение даже графически, как, например, это непременно происходит с именами китайских правителей и крупных деятелей.

Таким образом, пласт китайских слов, вошедших в дальневосточный региолект русского языка, достаточно большой – всего 46 непосредственных заимствований из китайского языка и образованных от них собственно русских слов. Все они прошли необходимые этапы адаптации в системе русского языка, если рассматривать их вхождение в принимающий язык по предложенной Л.П. Крысиным схеме.

Во-первых, рассмотренные нами заимствованные из китайского языка лексемы обрели звуковой облик, соответствующий фонетическим стандартам русского языка, и их оказалось возможным передать в орфографической записи на русском языке.

Во-вторых, завершён процесс их грамматической адаптации: они демонстрируют отнесенность к определенной части речи – только к именам существительным), слова обрели родовую отнесенность, способность к изменению в соответствии с тем или иным типом склонения, китайские по происхождению элементы демонстрируют возможность участия в русском словообразовании, давая новые единицы русского языка в соответствии с его продуктивными словообразовательными моделями.

О завершении третьего и четвертого этапов адаптации китайских заимствований в региональном варианте русского языка на Дальнем Востоке, связанных с их семантическим освоением, свидетельствует тот факт, что эти слова, за редким исключением, лишены каких бы то ни было сопроводительных комментариев (кавычек, сносок, толкований и т.п.) в текстах газет исследуемого периода. Таким образом, их значения повсеместно известны и понятны. Кроме того, заимствованные китайские лексемы и их производные встречаются в текстах разных жанров: в официальных сообщениях, докладах, фельетонах, местной хронике и т.д. Следовательно, слово становится частью повседневного лексикона дальневосточников.

Необходимо подчеркнуть, что многие из проанализированных нами слов фиксировались и фиксируются в различных толковых словарях русского языка, а также терминологических словарях и словарях иностранных слов, их полного освоения в русском национальном языке не произошло, до сих пор они остаются в статусе экзотических, специальных, региональных. В Дальневосточном же регионе эти слова китайского происхождения, а также производные от них в указанный период времени стали неотъемлемой

частью повседневной речевой практики, демонстрируя специфику одного из вариантов русского национального языка – его дальневосточного региолекта. Успешно адаптировавшись фонетически, грамматически и семантически, они, тем не менее, практически не вышли в своем употреблении за географические пределы региона.

-
1. Крысин, Л.П. Этапы освоения иноязычного слова // РЯШ. – 1991. – № 2. – С. 74-78.
 2. Оглезнева, Е.А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. – 2008. – Вып.16. – С.119 – 136.
 3. Оглезнева, Е.А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. – Вып. 10 / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск: АмГУ, 2013. – С. 27-37.
 4. Сычева, О.Н. Русские слова китайского происхождения. URL:http://www.bgpu.ru/nonlinked/internet-k/woprosi_lingvistiki/sichewa.doc.
 5. Уфимцев, Ю. Китайские слова в русском языке, есть и такие! URL: <http://www.lingvotech.com/kitaickieslovavrysskom>.